

— **20 июня** я вернулся домой, а на следующий день Сашуля с Митей уехали на две недели в Ленинград и во Владимир, Мишу забрали Ужгины на Зарайскую (Михалыч был дома), я остался один. Все эти две недели я пыхтел в кирхе над статьёй по колебательно-возбуждённому азоту и полностью переработал павловский вариант.

— Отправив текст ему в ИЗМИРАН для оформления актов экспертизы и сдачи статьи в редакцию, я позвонил ему по телефону и выяснил, что, отчаявшись дожидаться от меня текста до осени, Толя собрался в отпуск, уезжает, и статья будет болтаться до сентября в ИЗМИРАНе. Ну, что поделаешь? Зато у меня совесть перед отпуском очистилась - все хвосты подобрал вроде бы.

— За две недели до намеченного очередного семейного выезда в Крым я отправился в кассы Аэрофлота брать билеты на самолёт до Симферополя. Это было в конце рабочего дня в пятницу, 26 июня. Столпотворение у касс было невиданным даже для летнего сезона.

— Оказалось, научно-технический прогресс виноват: внедрили автоматизированную систему "Сирена", наконец, и у нас в Калининграде, да что-то она не пошла, останавливалась беспрерывно, и в кассах не столько билеты оформляли, сколько ждали, когда "Сирена" заработает. Люди стояли с утра, и просвета не было видно. В очереди уже шла запись на завтрашний день.

— Оказалось, что записываться надо не у касс, а на улице у входа, потому что с утра очередь будет одна - чтобы войти, а там уж кто как сумеет. Я записался двадцать вторым. Но требовалось ещё явиться на переключку в 12 ночи и в 4 утра. А я был болен, началось с горла в ИЗМИРАНе и теперь ломало всего - грипп подцепил. Попросил, чтобы мне позволили явиться отмечаться только в 4 утра, иначе это всю ночь не спать, и сил не хватит потом в очереди стоять.

— На просьбу мою никак не отреагировали, но вроде и не возражали, так что я уехал домой и завалился спать. К четырём подкатил на велосипеде и узнал, что из очереди меня, естественно, выкинули как неявившегося в полночь. Спорить было бесполезно, и я записался по новой - теперь пятьдесят четвёртым. Уехал домой и в семь часов явился снова. Кассы открывались в восемь.

— Народу собралось к открытию человек двести, так что я был в конце первой четверти. Ко мне Володя Маляров пристроился, ему на всю ивановскую бригаду билеты в Семипалатинск закупать надо было, в экспедицию собрались, эффекты взрывов мерить; он на меня случайно наткнулся. В отличие от очередей в винные магазины здесь имелись энтузиасты, следившие за порядком, и запуск в кассовые залы шёл строго по номерам, а по кассам уж разбегались, кто куда.

— Мы с Володей договорились, что он идёт налево в кассы для пересадочных пассажиров, а я направо - на прямые рейсы. Большинство бросалось направо, и у кассы я оказался примерно двенадцатым, а Володя - четвёртым. Кассы же все работали одинаково, на все направления (о чём, конечно, нигде не сообщалось), и я перешёл в очередь к Володе, будучи уверенным, что теперь-то билеты мне точно достанутся - ведь сегодня первый день продажи билетов на требуемое мне число.

— Ничего подобного.

— На рейс Калининград-Симферополь все билеты проданы, - ответила мне кассирша.

— Когда? - задал я глупый вопрос.

— В самом деле, когда успели? Кассы работают всего двадцать минут, обслужили максимум тридцать человек, но ведь не все же летят на Симферополь, а в самолёте 70 мест. Кассирша, пожав плечами, кивнула в сторону аппарата: я, мол, что? - Машина отвечает. Мест нет.

— Да они, наверное, в машину сразу вводят информацию - мест нет, а билеты потом распределяют среди знакомых и нужных людей. За день-два перед отлётом выкинут

остатки в продажу. Стандартная ситуация. Где есть дефицит, там без блата делать нечего, хоть у окошка ночуй.

— Ладно, хоть дали билеты с пересадкой в Киеве, ночь там ночевать, другим и того не досталось.

— **6 июля** приехали Сашуля с Митей. Я их не встретил - напутал с расписанием. Дома всё приготовил, уборку сделал, за цветами сходил, возвращаюсь с букетом, а они у дверей квартиры с вещами стоят, без ключей, уже Митя собрался к деду бежать за ключом.

— Поездкой довольны, клубники поели во Владимире вдоволь со своего участка.

— **9 июля** приехала Ирина. Закончила 3-й курс с одной четвёркой в сессию. И Люба звонила в этот день, сообщила, что Жорка защитил докторскую 3 июля, собирается в Америку, интересовалась, когда мы будем в Севастополе.

— Боишься, что тебе тесно там будет?

— Ну, ты что?! Я, наоборот, так соскучилась!

— То-то не пишешь, не звонишь вовсе.

— Сам не заезжаешь, а в Москву, небось, каждый месяц едешь. Жорка говорит - ну у тебя и родственнички! Братец заглянуть сестру навестить не может.

— Любка сказала, что приедут с Андрюшкой хоть на недельку в Севастополь, когда мы там будем. А Жорка - молодец! Я очень рад за него.

С самого начала футбольного сезона 1987 года мы с Митей не пропустили ни одной игры "Балтики" на своём поле. Дома "Балтика" играла прилично: на своём поле проиграла только "Искре" (Смоленск) на Кубок РСФСР 0:2 и могилёвскому "Днепру" 1:2, остальные все встречи выиграла (до нашего отъезда в Севастополь). Но выглядела команда тяжеловато, что усугубилось возвращением из воронежского "Факела" ещё одного ветерана - Осипова, игрока опытного и умелого, мастера спорта, но не резвого в силу уже хотя бы возраста своего, да и комплекции тоже.

Вернулся из "Кубани" и Чепель, забивал голы, но не блистал. Потяжелел Карман, меньше стал бегать, азарта у него поубавилось. Зато Притула разыгрался, шустрее всех носился по полю. И прекрасно исполнял угловые и штрафные Арсеньев - просто любо смотреть! Удивительно поставленный удар, в высшей лиге сейчас нет таких мастеров стандартных положений.

А зенитовцы - идиоты, взбунтовались, Пашу Садырина скинули, но играть лучше не стали и барахтались на самом дне турнирной таблицы в одной компании с "Гурией" из Ланчхути и ЦСКА.

— Прошёл июньский Пленум ЦК КПСС, посвящённый перестройке управления нашим несравненным хозяйством.

— Интересно, - рассуждали мы с Кореньковым, - сколько министерств ликвидируют после этого Пленума?

— В Министерствах, наверное, тоже этим вопросом задавались. Однако обошлось. Перестройка - дело не быстрое.

— *Из выступления Горбачёва (примерно 14 июня 1987 г.) на встрече с руководителями средств массовой информации и творческих союзов*

Самые острые вопросы надо обсуждать, уважая друг друга. Даже в самой крайней точке зрения есть что-то ценное, рациональное, ибо у человека, отстаивающего её честно, проявляется беспокойство за общее дело. Вы помните ленинскую мысль о том, что надо уметь анализировать позицию своего оппонента, даже классового противника, потому что никто так глубоко и остро не ставит вопросы, никто так настойчиво не отыскивает слабостей в твоей позиции как твой противник. Ну, а у нас это не классовая, не

антагонистическая борьба, это поиск, это дискуссия как нам выйти на широкую дорогу перестройки, как ускорить шаг и сделать его твёрдым, сделать наше движение необратимым. Поэтому я не вижу никакой драмы в полемике, в сопоставлении точек зрения. Это нормально.

—Ну, что ж, прекрасно. А вот дальше:

Гласность, демократия ... это не вседозволенность. Гласность призвана укреплять социализм, дух нашего человека, укреплять мораль, нравственную атмосферу в обществе. Гласность - это и критика недостатков. Но это не подкоп под социализм, под наши социалистические ценности.

—Как вот только различить - где гласность, а где "подкоп под социализм, под наши социалистические ценности"?

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)